

Королевская Гавань

Линь Лан посидел у Сичунь совсем немного, лишь пока выводил для неё четыре иероглифа: «Шесть чувств не осквернены». Закончив работу, он долго всматривался в эти слова, погружаясь в невесёлые думы.

«Шесть осквернителей: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание и ум. Выражение это восходит к стеле императрицы Сяомин. Суть его — отрешиться от мирских желаний, сохранить чистоту духа. Сичунь ведь совсем ещё дитя... Откуда в её душе это стремление бежать от мира? Похоже, родиться в доме Цзя стало для неё величайшим несчастьем. Увы».

Пока он предавался этим размышлениям, вошла Хэжу.

— Молодой господин, письмо от батюшки.

Линь Лан удивлённо приподнял бровь. Хэжу поспешила добавить:

— Доставили голубиной почтой.

Кивнув, Линь Лан поднялся и направился в кабинет. Хэжу бесшумно следовала за ним шаг в шаг. Две служанки, до этого сидевшие на крытой галерее, завидев уход господина, поспешили убрать свиток с каллиграфией, прибрали в покоях и отправились доложить обо всём Хэцзя.

Развернув послание, Линь Лан обнаружил лишь четыре иероглифа: «Покорись воле Небес». Больше в письме не было ни слова. Хэжу стояла рядом, затаив дыхание, не смея издать ни звука.

— Принеси-ка мне «Дела абсурдные», — негромко распорядился Линь Лан.

Хэжу поклонилась и вскоре отыскала среди бумаг увесистый том в свежем переплёте. Приняв книгу, Линь Лан взмахнул рукой, отпуская служанку.

Оставшись один, он углубился в чтение. Эта рукопись, скромно озаглавленная «Дела абсурдные», на самом деле представляла собой подробнейшее расследование тайной жизни дома Цзя. На страницах скрупулёзно фиксировались все их грехи, бесчинства и злоупотребления за долгие годы. Здесь же указывалось, где укрываются свидетели и какие вещественные доказательства имеются против каждого из домочадцев. Поначалу Линь Лан хотел лишь в общих чертах ознакомиться с положением дел, но теперь обстоятельства изменились. Ему требовалось досконально изучить каждую деталь, чтобы встретить грядущую грозу во всеоружии.

Зачем отец отправил это письмо именно сейчас? Линь Лан прекрасно знал характер Линь Жухая: тот никогда не совершал легкомысленных поступков. Очевидно, учитель Линъюнь-цзы

уже сообщил ему о скором визите сына во дворец. Начертав эти слова, отец давал понять: не делай резких движений, просто жди. Если император призывает его к себе, значит, род Линь пока вне опасности — государь не планирует уничтожить верных слуг.

Но даже если сейчас над ними безоблачное небо, стоит отцу вернуться в столицу, как зоркие цензоры тут же зашевелились, почуяв добычу. К самому Линь Жухаю грязь не пристанет — его репутация безупречна, зацепиться не за что. А вот к родственникам... Единственные родственники семейства Линь в столице — это дом Цзя. А эти господа ведут себя столь беспечно, что и искать ничего не нужно: хватай за любой грешок и тащи на плаху. Разумеется, недоброжелатели не упустят столь лакомый кусок.

«Эх, сколько же врагов нажил отец за годы службы инспектором соляного ведомства в Гусу...»

Если бы он не охранял государеву казну с таким рвением, его давно бы уже перевели в столицу. Обывателям казалось, что должность соляного инспектора — предел мечтаний, золотое дно, знак величайшего монаршего доверия. Но на деле это кресло давно превратилось в раскалённую жаровню. Попробуй усиди на ней, когда со всех сторон летят отравленные стрелы. Линь Лан и сам не понимал: дорожит ли император его отцом или попросту бросил его в Гусу на растерзание стервятникам?

Политика — это искусство равновесия. Отец ведал соляным откупом слишком долго, нарушая все негласные правила. Вероятно, государь считал, что именно присутствие Линь Жухая на юге и удерживает весы в шатком покое. Но как бы то ни было, если к концу года прошение отца о возвращении в столицу отклонят, дела их примут совсем скверный оборот.

Выходит, его визит во дворец — шаг необходимый. Встретится он с императором или нет, сумеет ли снискать его расположение — неважно. Главное — продемонстрировать покорность и преданность рода Линь. Для отца это станет верным щитом. Одно тревожило: вдруг и эта жертва окажется напрасной? Три года назад Дайюй отправили в столицу фактически в качестве заложницы, дабы доказать верность Линь Жухая. Но император так и не вернул её из провинции. Теперь та же участь постигла и самого Линь Лана.

«Увы...»

Линь Лан просидел в кабинете ещё около получаса. Когда он наконец отворил дверь, снаружи его преданно ждала Хэцзя.

— Молодой господин, не желаете ли отдохнуть? — тут же шагнула она навстречу.

Линь Лан потянулся всем телом, разминая затёкшие плечи.

— Сперва умоюсь, а потом и спать.

Хэцзя кивнула и проводила его в спальню, где уже исходила паром бочка с горячей водой. Смыв с себя дневную усталость, Линь Лан забылся глубоким сном.

Весь следующий день Линь Лан провёл за книгами. Тишину его уединения нарушила лишь Сичунь, которая заглянула за обещанным свитком каллиграфии. Дайюй с самого утра позвала к себе старая госпожа Цзя-Ши, и сестра вернулась в их маленький дворик только к сумеркам.

Поздним вечером, когда небо окончательно потемнело, от Цзя Чжэна явился слуга. Тот передал, что второй господин срочно призывает племянника к себе для важного разговора, добавив, что у хозяина сейчас находится и Цзя Лянь. Успокоив встревоженную Дайюй, Линь Лан отправился в личный кабинет дяди.

Переступив порог, Линь Лан застал примечательную картину. Цзя Чжэн метался по комнате из угла в угол, точно загнанный в клетку зверь. Цзя Лянь тоже выглядел глубоко встревоженным и растерянным. Едва Линь Лан успел поклониться, как дядя разразился яростным криком:

— Мерзавец! Что ты натворил вчера?!

Линь Лан насмешливо приподнял бровь.

«Ишь как распылился. Собственный отец голоса на меня не повышал, а этот возомнил, будто я его непутёвый сынок Баюй?»

Вслух он ничего подобного не произнёс. На его лице отразилось лишь вежливое недоумение.

— О чём вы говорите, дядя? Вашему племяннику решительно ничего не известно. Просветите меня, молю.

В разговор поспешно вмешался Цзя Лянь:

— Двоюродный брат, скажи на милость: ты ведь вчера был в Тереме Изумрудных Облаков? Затеял там драку?

Линь Лан лишь небрежно хмыкнул:

— Подумаешь, проучил парочку слепцов, не видящих дороги. Неужто эти ничтожества осмелились жаловаться моему почтенному дяде?

Услышав столь лёгкое признание, Цзя Чжэн побагровел от гнева.

— А я-то считал тебя благовоспитанным юношей! — взревел он, хватая ртом воздух. — Оказывается, ты ничем не лучше уличного сброда! В столь юные годы якшаешься с девками по кабакам, распускаешь руки! А теперь даже каяться не думаешь! Дерзость, неслыханная дерзость! Ты... да ты!..

Дядя захрипел, у него перехватило дыхание, и он тяжело навалился руками на письменный стол, судорожно глотая воздух.

Линь Лан разыграл неподдельный испуг.

— Дядюшка, что с вами? Неужто занемогли? Позвольте, я мигом позову лекаря из императорской палаты!

Он уже повернулся, намереваясь выйти, но Цзя Чжэн из последних сил рявкнул:

— Стоять! Куда собрался?! Мы ещё не закончили разговор, останься!

Линь Лан послушно замер посреди комнаты и твёрдо произнёс:

— Людей побил я, мне и ответ держать. Племянник никогда не переложит свои прегрешения на плечи родни.

Цзя Лянь, видя такую непреклонность, поспешил смягчить углы:

— Братец, к чему эти громкие слова? Мы ведь одна кровь, близкие люди. Разве гоже говорить о «соучастии»? Раз уж беда случилась, нужно всё обсудить без утайки и вместе найти выход. Не стоит рубить с плеча и поддаваться гордыне.

«А второй брат Лянь не промах, — отметил про себя Линь Лан. — Куда сметливее и гибче своего напыщенного дядюшки».

Приняв смиренный вид, подобающий провинившемуся юноше, он вздохнул:

— Твоя правда, брат. Я лишь хотел проучить наглецов и не думал, что это обернётся неприятностями для дома. Прошу великодушно простить мою нетерпимость, дядя, брат Лянь!

Цзя Чжэн немного успокоился и, поправив халат, проворчал:

— Если ты действительно осознал свою вину, это уже полдела. А теперь выкладывай всё без

утайки. Мы должны знать, с чем имеем дело, дабы выправить твою глупость.

Линь Лан в деталях описал вчерашнее столкновение в заведении, закончив словами:

—...на том мы и разошлись. Кто же знал, что эти паршивцы побегут жаловаться, точно побитые собаки!

Цзя Лянь нахмурился:

— Но внук покойного герцога Чжэньго утверждает, будто он назвал тебе своё имя, а ты...

Линь Лан с самым серьёзным видом парировал:

— Он заговорил об этом, когда кулаки уже летели в цель. Если бы я остановил удар лишь из-за его титула, все решили бы, что род Линь трусливо пасует перед сильными мира сего. Какое лицо я бы явил отцу?

— Драка сама по себе — позор для учёного мужа, а ты ещё и оправдания ищешь! — снова вспыхнул Цзя Чжэн.

— Дядюшка, вы просто не знаете тамошних нравов, — возразил Линь Лан. — В подобных переделках промедлишь — прослывёшь трусом до конца дней своих. Да и кто такой этот герцог Чжэньго? Нашли кого страшиться.

— Братец, потише, не накликай беду! — испуганно зашептал Цзя Лянь. — Тот, кого ты отделал, — любимый внук вдовствующей герцогини Чжэньго. А сама старая госпожа — родная старшая сестра ныне здравствующего государя! Понимаешь теперь, во что вляпался?

Линь Лан лишь усмехнулся:

— И что с того? Усадьба Чжэньго давно лишилась реального веса в совете. Единственная их опора — старая герцогиня. Скажу без прикрас: стоит ей преставиться, и этот великий дом в одночасье скатится до уровня заштатных столичных дворянчиков третьего разряда. Бояться их нечего.

Цзя Чжэн невольно поразился здравомыслию племянника.

«А мальчишка-то неглуп, — подумал он. — Сразу видно породу Линь Жухая и выучку Линъюнь-цзы».

И всё же потакать буяну он не собирался. Напустив на себя суровость, он прикрикнул:

— Дерзость! Едва от горшка два вершка, а уже судишь о государственных делах! Твоё дело — прилежно учиться, а не кулаками махать. Отныне гулять тебе запрещаю. Разрешено лишь посещать занятия наставника. А завтра же отправишься в усадьбу Чжэньго и принесёшь нижайшие извинения!

— Дело сделано, к чему теперь кланяться? — отрезал Линь Лан. — Я никуда не пойду. Не хватало ещё позорить имя отца и учителя! Да и для нашего поместья это станет несмываемым пятном. Негоже роду Цзя пресмыкаться перед равными себе по рангу на потеху досужим кумушкам.

Цзя Лянь, внимательно следивший за разговором, уловил в голосе кузена непоколебимую уверенность.

— Братец Лан, у тебя есть надёжный покровитель?

Линь Лан скользнул по нему оценивающим взглядом.

«Не зря кузен Лянь ведёт все дела второго дяди. В проницательности и умении читать людей ему не откажешь».

— Покровители тут ни при чём, — мягко ответил он. — Просто я трезво оцениваю ситуацию. Позвольте спросить, дядя, откуда вам вообще стало известно о вчерашней стычке?

Цзя Чжэн перевёл взгляд на Цзя Ляня. Тот поспешил пояснить:

— Сын почтенного Суня, которого ты вчера тоже знатно приложил, пригласил меня сегодня на вино. Он-то в хмельном угаре обо всём и поведал.

Линь Лан снисходительно улыбнулся:

— Вот вам и ответ. Обладай усадьба Чжэньго реальной силой, они бы уже строчили донос императору. А раз действуют исподтишка, через хвастливые намёки за чаркой вина, значит, просто прощупывают почву, надеясь запугать нас. Сделай я первый шаг и явись с извинениями — они мигом почуют слабость и потребуют платы втридорога. Лучше затаиться и посмотреть, что они предпримут. Тогда и решим, как отвечать.

Цзя Чжэн молча поражался тому, как тонко этот юноша понимает законы чиновничьего мира. Цзя Лянь же был поражён ещё сильнее: кузен прибыл в столицу всего несколько дней назад, но уже ориентировался в хитросплетениях местной знати лучше многих старожилов.

«Да, связи дома Линь куда глубже, чем мы думали», — пронеслось в его голове.

Видя, что родственники застыли в молчании, уставившись на него, Линь Лан слегка поклонился:

— Если у почтенного дяди более нет вопросов, позвольте вашему племяннику откланяться. День выдался утомительным.

Цзя Чжэн устало махнул рукой, отпуская его. Линь Лан двинулся к выходу, и Цзя Лянь последовал за ним.

Едва они миновали порог и вышли на прохладный ночной воздух, Цзя Лянь заговорщически шепнул:

— Братец Лан, коли сон ещё не сморил тебя, сделай милость — проводи меня до моих покоев. Сам знаешь, кухня твоя, Сифэн, нрава крутого. Побудешь моим щитом и свидетелем, хорошо?

Как оказалось, вернувшись в усадьбу, Цзя Лянь сразу побежал к дяде и до жены ещё не дошёл.

Линь Лан с улыбкой согласился, хотя про себя усмехнулся:

«Слыхал я, что невестка Сифэн ревнива без меры, но не до такой же степени, чтобы устраивать допросы из-за обычного разговора с дядей? Тут два варианта: либо у брата Ляня ко мне какое-то деликатное дело, либо он опять притащил в дом какую-то грязную интрижку и боится расплаты».

С этими мыслями Линь Лан покосился на кузена с довольно хитрым прищуром.

Цзя Лянь почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он натянуто улыбнулся, подумав: «Неужто малец разгадал мою игру и понял, что я хочу втянуть его в свои дела?» От этой мысли ему даже стало немного не по себе.

Так, бережно взлелеяв каждый свои тайные помыслы, они дошли до маленького дворика, расположенного позади Зала Жунси.

— Второй молодой господин вернулся! И Молодой господин Линь с ним! — звонко крикнула вглубь дома Пин-эр.

Ван Сифэн тут же выпорхнула навстречу, озаряя прихожую яркой улыбкой.

— Батюшки! Каким ветром к нам занесло двоюродного братца Линя? — запричитала она со смехом. — А ты хорош, муженёк! Мало того что сам завалился посреди ночи, так ещё и гостя притащил. Дайюй, небось, уже извелась вся в ожидании!

Линь Лан почтительно поклонился:

— Не извольте беспокоиться, невестка. Я заблаговременно отправил слугу предупредить сестру, что задержусь у вас ненадолго.

Ван Сифэн задорно рассмеялась:

— Ну и чудесно! Заходите же скорее. Покои у нас скромные, уж не обессудьте!

— Полно вам, невестка, — улыбнулся Линь Лан. — У вас тут убранство краше, чем во дворце, грех на тесноту жаловаться.

Обмениваясь шутками, они прошли в гостиную. Цзя Лянь велел Пин-эр подать свежего чаю, после чего выпроводил из комнаты всю прислугу, плотно притворив за ними дверь.

Стоило посторонним уйти, как Цзя Лянь с мольбой посмотрел на него.

— Братец Лан, умоляю, спаси своего несчастного брата! — воскликнул он и уже готов был опуститься на колени.

Линь Лан вовремя подхватил его под локти, не дав коснуться пола.

— Брат Лянь, что за крайности? Мы ведь братья, если случилась беда — помогу, чем смогу.

Ван Сифэн, ошарашенная происходящим, поспешила на помощь Линь Лану. Помогая усадить мужа на стул, она недовольно заворчала:

— Да что с тобой стряслось? Объяснись толком, к чему этот дешёвый театр устраивать перед гостем?

Цзя Лянь тяжело опустился на сиденье и, вздохнув, заговорил тихим, но твёрдым голосом:

— Я давно вижу, что наш дом катится в пропасть. Но увы, моё слово здесь ничего не значит. Над моей головой стоят отец и старая госпожа, а сам я — лишь безвольный исполнитель чужой воли. К тому времени, когда бразды правления перейдут ко мне, спасти уже будет нечего. Но ты, братец... ты наделён редким умом и талантом, да и дядя Линь пользуется безграничным доверием государя. Заклинаю тебя, помоги мне выпутаться из этой трясины!

Линь Лан знал, что Цзя Лянь ловок и хитёр, но не ожидал, что тот способен так легко поступиться гордостью ради спасения собственной шкуры.

«А ведь парень далеко пойдёт, — мысленно усмехнулся он. — С другой стороны, протяни ему руку — сам в этой грязи испачкаешься».

Решив пока не раскрывать карт, он со смехом ответил:

— Братец, откуда такие мрачные думы? Усадьба Цзя — гнездо заслуженных вельмож, обитель знатности и роскоши. За те дни, что я провёл здесь, я видел лишь величие и довольство. О каком упадке речь?

Ван Сифэн поспешно поддакнула:

— Вот именно! Уж не привиделось ли тебе чего с перепоею? Ступай приляг, не позорься перед кузеном своими бреднями.

Цзя Лянь резко обернулся к жене и прикрикнул:

— Замолчи! Что ты смыслишь в делах мужчин? Не будь мы повязаны одной судьбой, я бы и слова при тебе не вымолвил! — Он снова повернулся к Линь Лану и с отчаянной решимостью посмотрел на него. — Братец Лан, вся эта мишура и внешнее благополучие — лишь крашеный фасад. Изнутри наш дом давно источили черви, он рухнет от первого же дуновения ветра! Спаси меня, братец! Укажи путь!

«А ведь он действительно всё понимает, — пронеслось в голове Линь Лана. — Просит спасти не усадьбу Цзя, а лично его».

— Брат Лянь, это... — протянул Линь Лан, делая вид, что ошеломлён признанием кузена.

<http://bllate.org/book/18219/1753322>